

Я.Н.Еремеев (Воронеж)

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТЕКСТА ОБЩЕСТВЕННЫХ
УКАЗАТЕЛЕЙ (СОВРЕМЕННАЯ МИФОЛОГИЯ)**

В статье рассматриваются общественные указатели как элемент коммуникации, делается вывод о том, что мифология и мифотворчество находят свое отражение в современном обществе.

The article treats public directives as an element of human communication. The author proves that mythology and myth-making are part of the contemporary society.

Исследователю текстов директивных высказываний, особенно текстов конвенциональных и институционализированных, каковыми являются, например, общественные указатели (ОУ, см. *Рис. 1*) приходится сталкиваться с одним непростым вопросом: Каким образом получается так, что указания анонимных знаков и табличек беспрекословно исполняются подавляющим числом граждан?

ПАРКОВКА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ТРАНСПОРТА ЗАПРЕЩЕНА

УХОДЯ, ГАСИТЕ СВЕТ

STOP WHEN LIGHTS SHOW

RIGHT TURNS THROUGH THE ROADWORKS SUBJECT TO PROHIBITION

Рисунок 1. Образцы общественных указателей.

Для того, чтобы ответить на поставленный вопрос, нам придется обратиться к понятиям, казалось бы, не имеющим прямого отношения к буквальному значению надписей и символов ОУ. Это – власть и миф.

А.Ф.Лосев в своей «ДИАЛЕКТИКЕ МИФА» (1930) писал: «Миф не есть выдумка или фикция, не есть фантастический вымысел.

Это заблуждение почти всех 'научных' методов исследования должно быть отброшено в первую голову. Разумеется, мифология есть выдумка, *если применить к ней точку зрения науки*, да и то не всякой, но лишь той, которая характерна для узкого круга ученых новоевропейской истории последних двух-трех столетий... Это не выдумка, но *наиболее яркая и подлинная действительность*. Это – *совершенно необходимая категория мысли и жизни*, далекая от всякой случайности и произвола» [Лосев 1999: 209-210]. Миф, по Лосеву, есть символический план бытия, с различной степенью откровенности или прикровенности являемый в любом факте наличного, феноменального бытия.

Ролан Барт исследует миф с семиотической и лингвистической точки зрения. В своей книге «МИФОЛОГИИ» [1956], он, в частности пишет: «Миф является вторичной семиотической системой. Знак...первой системы становится всего лишь означающим во второй системе. Материальные носители мифического сообщения, какими бы различными они ни были, как только они становятся составной частью мифа, сводятся к функции означивания...Миф – это сообщение, определяемое в большей мере своей интенцией, чем своим буквальным смыслом, и тем не менее буквальный смысл, так сказать обездвигивает, стерилизует, представляет как вневременную, заслоняет эту интенцию» [Барт 1994: 78-89].

У нас в данном случае речь идет о сознательном или бессознательном завуалировании, а подчас и подмене мотивации высказываний. В отношении директивов эта мифологизация наиболее ощутима. Именно она привела к тому, что многие исходной формой директива считают конструкцию «*СДЕЛАЙ X*». Именно эта мифологизация привела к появлению в прагматике терминов 'прескриптор' (имеется в виду говорящий), 'предписываемое действие', тогда как совершенно очевидно, что решение об исполнении или неисполнении предлагаемого действия – исключительная прерогатива адресата, отсюда относительность всех команд, предписаний, приказов и т.д. Однако сила мифа в современном обществе ничуть не ослабела по сравнению с 'мифологичной' античностью. Именно поэтому, категорически и безапелляционно выраженный директив часто воспринимается нами как нечто неотвратимое, как рок, которому мы должны следовать вне зависимости от нашего личного отношения к нему и его основаниям, его источнику. Те, кто издают эти команды, также считают, что

они (команды) не подлежат не только обсуждению, но даже осмыслению. В результате и получается полное уподобление адресата бессловесному инструменту для достижения определенных целей. В последнее время лица, издающие директивы – в особенности это относится к общественным указателям (*Public Directives*) – сознательно придают им форму, которая при минимальном раскрытии мотивации, часто являющейся недостаточной, обеспечивала бы им максимальную эффективность.

Ролан Барт утверждал, что «... объектом, в котором от начала времен гнездится власть, является сама языковая деятельность, или, точнее, ее обязательное выражение – язык» [Барт 1994: 98].

Другой французский исследователь, Пьер Бурдьё, также занимающийся проблемами языка и власти, писал: «Иллокутивную силу высказываний нельзя вывести из самих слов. В дополнение к информации, выраженной эксплицитно, в коммуникативном акте непременно сообщается информация о манере общения, то есть об *экспрессивном стиле*, который и выражает социальную значимость и символическую эффективность сообщения».

Значимость, ‘вес’ коммуникантов определяется их символическим капиталом, *признанием*, институционализированном или нет, которое они приобретают в социальной группе...

Магическая эффективность *институционализированных актов* неотделима от существования института, определяющего условия (относящиеся к исполнителям действия, времени и месту и т.д.), которые должны быть выполнены, чтобы магия слов осуществилась.

Стиль – это элемент *механизма*, с помощью которого язык стремится производить впечатление собственной важности. Символическая эффективность дискурса власти отчасти зависит от лингвистической компетентности говорящего.

Символическая власть – это та невидимая власть, которая может иметь силу, только с согласия тех, которые не хотят знать того, что они являются ее объектами, или что они сами ее реализуют [Bourdieu 1991: 67-164].

Редактор цитировавшегося выше издания Дж.Б.Томпсон делает вывод: «Власть редко осуществляется как грубая физическая сила, чаще она облекается в символическую форму, и, таким

образом, наделяется некоторой *законностью*, которой, в противном случае она не имела бы» [Op.cit.: 23].

К тексту ОУ все это относится самым непосредственным образом. Высокая степень авторитетности источника ОУ по отношению к его потенциальным адресатам является одним из его основополагающих признаков. Несомненно, что его отсутствие привело бы к катастрофическому снижению успешности применения ОУ.

Авторитетность ОУ во многом обеспечивается социальной мифологией. Человек, увидев категорически выраженный запрет «НЕ КУРИТЬ» или извещение о том, что данный вход «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА», неизбежно придет к выводу о том, что за этими крайне лаконичными фразами, напечатанными на официально выглядящих табличках, кроется какая-то высокая властная инстанция, обладающая возможностью и полномочиями наказать нарушителя тем или иным образом.

Вспомним, что миф, по Барту, является вторичной семиологической системой [1994: 117]. То есть, видя надпись «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА», мы расшифровываем ее так: «Если в это помещение войдет НЕ член персонала, он будет удален, а возможно и наказан, причем с санкции высшей законной инстанции».

Почему же в ОУ не употребляются тексты в развернутом виде тексты ‘первичные’? Во-первых, в этом нет необходимости: все члены общества знакомы с его мифологией или неписаными законами. А во-вторых, и это очень важно, часто ‘первичный текст’ был бы слишком категоричен и мог бы даже вызвать сомнение у ряда граждан относительно своей легитимности. «...миф основан на внушении, он должен производить непосредственный эффект, не важно, что потом миф будет разрушен, ибо предполагается, что его воздействие окажется сильнее рациональных объяснений, которые могут опровергнуть его позже» [Барт 1994: 117].

Еще Платон в целом ряде своих диалогов («ПРОТАГОР», «ГОСУДАРСТВО», «ТИМЕЙ», «КРИТИЙ», «ЗАКОНЫ») разработал теорию мифа [Платон 1999]. По Платону, две основные функции мифа:

□ «... служить суррогатной заменой разумного основания для некоторого суждения или поступка, – в тех случаях, когда ис-

тинное основание мнения или поступка недоступно в силу своей сложности» и

□ «способствовать тому, чтобы *живущие совместно люди* всю свою жизнь *придерживались* как можно более одинаковых взглядов относительно некоторых важных предметов» [Блинов 1996-98].

Как раз обе эти функции мифа мы и находим воплощенными в полной мере в тексте ОУ.

Наиболее мифологизированными являются тексты инструктивных ОУ, целью которых являются не регулирование каких-либо отдельных действий индивида, а предписывание ему целой программы поведения, всего, что он 'должен' и 'не должен' делать в данном общественном месте.

Британский социолингвист Р.Фаулер, изучая тексты подобных инструкций, выделяет целую группу лексико-синтаксических трансформаций текста, направленных на усиление эффективности этого класса ОУ [Fowler 1979].

Поскольку по своей интенции ОУ, или его 'первичный текст' (по терминологии Р.Барта) есть директив, последний должен сводиться к тому, что *конкретный источник ОУ указывает/предписывает конкретному адресату совершить* или, напротив, *не совершать* какое-либо действие («Я ПЕРЕДПИСЫВАЮ ТЕБЕ / ВАМ: СДЕЛАЙ(ТЕ) X»).

Однако 'вторичный', мифологизированный текст будет, как правило, иметь другую структуру вследствие ряда трансформаций.

Основную трансформацию можно назвать 'деперсонификацией'. Трансформация подразумеваемого второго лица (ТЫ, ВЫ) в третье (СТУДЕНТЫ, ПАССАЖИРЫ и т.п.) при наименовании адресата – исполнителя действия – с одновременной заменой императивной конструкции на декларативную (например, ПАССАЖИР НЕСЕТ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕОПЛАЧЕННЫЙ ПРОЕЗД В АВТОБУСЕ) смягчает категоричность высказывания – прямое указание сменяется информацией о том, что необходимо для 'пассажира' (а как бы вовсе и не адресата ОУ).

К 'деперсонификации' примыкает 'пассивизация' – замена активных структур пассивными (например, ВХОД В ОТДЕЛЕНИЕ БЕЗ СМЕННОЙ ОБУВИ ЗАПРЕЩАЕТСЯ). В параллельной активной конструкции пришлось бы указать источник запре-

та – кто именно запрещает данное действие. Да и форма глагола (*ЗАПРЕЩАЕТСЯ*) воспринимается не как процесс, а как состояние, данность, то, с чем необходимо мириться.

Отсутствием прямых указаний на исполнителей предписываемых действий, люди, ответственные за публикацию текста, маскируют тот факт, что они пытаются контролировать появление тех, кому этот текст адресован. Автора текста ОУ тоже определить чаще всего невозможно (в крайнем случае, можно увидеть ссылку на некую безличную ‘администрацию’).

Этот прием деперсонифицирует отправителя, а, с другой стороны, подчеркивает его нежелание рассматривать адресата как индивидуума. Все это не может не привести к отчуждению отправителя и адресата текста ОУ, к увеличению дистанции между ними.

С помощью трансформации текста можно фактически менять местами распределение прав и обязанностей. Р.Фаулер предлагает назвать такую трансформацию ‘*тематизацией*’ [Fowler 1979: 117].

Вот один пример: *ПАССАЖИР ОБЯЗАН ОПЛАТИТЬ ПРОЕЗД СОГЛАСНО УСТАНОВЛЕННОМУ ТАРИФУ.*

В этой пассивной конструкции номинальное обозначение объекта (*ПАССАЖИР*) находится на позиции темы, то есть в начале предложения, а эта позиция обычно ассоциируется с местом исполнителя – субъектом. Очевидно, ‘первичный текст’ здесь будет звучать так: «Данная инстанция (водитель или руководитель организации) обязывает вас, пассажиров, оплачивать проезд согласно установленному тарифу». Тем не менее, читатель находится под сильным влиянием предположения, что субъект здесь – пассажиры (то есть, в том числе, и он), а значит и действие производится не над ними, а, напротив, они сами его совершают.

Итак, цель авторов подобных ОУ – выбор такой стратегии построения текста, которая максимально соответствовала бы их замыслу – повлиять на поведение адресата нужным им образом.

Для того, чтобы это намерение не натолкнулось на сопротивление адресата, текст ОУ, с одной стороны, не должен показаться последнему *чересчур* ‘невежливым’, категоричным, а, с другой стороны, позиция автора должна быть представлена в тексте высокоавторитетной, а его указания – законными, разумными, не подлежащими сомнению и различным толкованиям.

Итак, мы видим, что мифология и мифотворчество не являются исключительно объектом исследования историков античности, но являются столь же неотъемлемой чертой современного общества, как и во времена Платона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994.
2. Блинов А.Б. Общение. Звуки. Смысл: Об одной проблеме аналитической философии языка. М.: Пирамида, 1996.
3. Лосев А.Ф. Миф – Число – Сущность. М., 1996.
4. Платон. Собр. соч. в 4 тт. М., 1999.
5. Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge, 1991.
6. Fowler R., Hodge B., Kress G., Trew T. Language and Control. L., 1979.

Получено 17.05.2001 Воронежский государственный университет